

Научная статья

УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-695-709>

<https://elibrary.ru/TULNFT>

РУССКИЙ ГОЛОС В ФИНЛЯНДИИ

© 2024 г. Л.Ф. Луцевич

Аннотация: Статья посвящена так называемому Русскому голосу в Финляндии, который в течение 17 лет звучал монологически (преимущественно имперски-официально) в проправительственной «Финляндской газете» (1900–1917). В период распада империи в весьма разветвленной русской язычной прессе Великого княжества Финляндского возникает полифония, обусловленная разнообразием политических идей и, соответственно, многообразием периодических изданий. В центре внимания автора программные выступления частной газеты «Голос русской колонии» (1918), издателем-редактором которой выступил организатор первого сообщества соотечественников «Русская колония в Финляндии» К.И. Арабажин. Газета, созданная при сообществе, призвана была, как показало исследование, помочь русским эмигрантам и беженцам «осуществлять свои потребности в образовании, просвещении, русской книге, газете, театре, в создании профессиональных организаций» и проч., возвышать свой «Голос» в защиту интересов русского населения Финляндии, ратовать за его «единение» на основе культуры и творчества. К сожалению, в силу недостатка средств и профессиональных кадров голос газеты оказался едва слышным, а ее жизнь кратковременной.

Ключевые слова: русскоязычная пресса, Финляндия, «Финляндская газета», Н. Бобриков, «Голос русской колонии», К. Арабажин.

Информация об авторе: Людмила Федоровна Луцевич — доктор филологических наук, профессор, Варшавский университет, ул. Краковское предместье, 26/28, 00-927 г. Варшава, Польша.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6340-2598>

E-mail: l.lutevici@uw.edu.pl

Для цитирования: *Луцевич Л.Ф.* Русский голос в Финляндии // *Emigrantica*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 1: Памяти Олега Анатольевича Коростелева / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, М. Шруба, ред. М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 695–709.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-695-709>

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

RUSSIAN VOICE IN FINLAND

© 2024. Lyudmila F. Lutsevich

Abstract: The article is devoted to the “Russian voice in Finland”, which for 17 years sounded monologue (mostly imperial-official) in the pro-government “Finland newspaper” (1900–1917). During the collapse of the empire, polyphony appears in the highly ramified Russian-language press of the Grand Duchy, due to the variety of political ideas and, accordingly, the variety of periodicals. The author of the article focuses on the programmatic speeches of the private “Voice of the Russian Colony” newspaper (1918), the publisher-editor of which was K.I. Arabazhin. The newspaper, created by the community, was called, as the study showed, to help Russian emigrants and refugees “to have their needs met in education, enlightenment, Russian books, newspapers, theaters, in the creation of professional organizations”, etc., to raise their “Voice” in defense of the Russian population of Finland, to stand up for its “unity” on the basis of culture and creativity. Unfortunately, due to the lack of funds and professional staff, the newspaper’s voice was barely audible, and its life was short-lived.

Keywords: Russian-language press, Finland, pro-government “Finland newspaper”, N. Bobrikov, private newspaper “Voice of the Russian Colony”, K. Arabazhin.

Information about author: Lyudmila F. Lutsevich, DSc in Philology, Professor, Warsaw University, Krakowskie Przedmieście st. 26/28, 00-927 Warsaw, Poland. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6340-2598>
E-mail: l.lutevici@uw.edu.pl

For citation: Lutsevich, L. "Russian Voice in Finland." *Emigrantica*. Issue 1: In memory of Oleg Korostelev, ed.-comp. E.R. Ponomarev, ed. E.R. Ponomarev, M. Schrub, manag. ed. M.S. Shchavinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 695–709. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-695-709>

Тема данной статьи инспирирована Олегом Анатольевичем Коростелевым. Нам всем хорошо известен пристальный интерес ученого к русской прессе за рубежом, где фигурируют не только известные имена, но и отражается повседневная социальная, культурная, литературная жизнь русских людей в эмиграции. Роль Олега Анатольевича «в создании информационных электронных ресурсов («Эмигрантика» и «Русское зарубежье: Сводный каталог периодики русского зарубежья») и источниковедческих изданий по периодике эмиграции» невозможно переоценить [10, с. 482]. В одном из интервью Сергею Дмитренко (2009) он говорил: «за пределами России жили десятки миллионов русских людей, и не просто жили, а работали: писали, изобретали <...> издавали газеты и журналы», однако немногие из «отечественных хранилищ могут похвастаться полными комплектами даже самых знаменитых эмигрантских изданий», не говоря уже о менее известной, но широко распространившейся русскоязычной печати [18]. А ведь все в совокупности — это и есть русский голос, звучавший в истории, культуре, литературе, публицистике, журналистике, в быту. Детальное и кропотливое изучение прессы русской эмиграции позволяет, считал Коростелев, «раздвинуть рамки своего сознания и воспринять саму реальность, а не готовые штампы о ней <...> На этом пути человека ждет множество открытий, <...> только он и ведет к истине» [18].

Даже беглый просмотр названий русских эмигрантских газет 1910–1920 гг., дает возможность отметить, что «Русский голос» (варианты названий: «Голос родины», «Голос России», «Голос Руси», «Русское эхо») звучал в городах разных частей света: в Гельсингфорсе, Гааге, Берлине, Варшаве, Софии, Нью-Йорке, Харбине, Шанхае, др.¹.

В данной статье на основе некоторых публикаций газеты «Русский голос» (1918) предпринята попытка представить характер и направление русскоязычной прессы в Финляндии в период начавшейся «смуты».

¹ См., например: «Русский голос» (Аргентина, 1910 гг.). «Русский голос» (Эдмонтон, Канада, 1917–1919 гг.), «Русский голос» (Гельсингфорс, Финляндия, 1918 г.),

1

В стране Суоми *русский голос* появился довольно поздно — лишь в 1900 г. Им стала официальная «Финляндская газета» (издавалась до 1917 г.) [3, с. 141–156], инициатором которой выступил назначенный на должность генерал-губернатора Великого княжества Н.И. Бобриков (1839–1904). Генерал-губернатор сам составил программу русификации Финляндии, тщательно обсудил ее с исполняющим тогда должность министра — статс-секретаря Великого княжества В.К. Плеве и императором Николаем II [1]. Программа включала: введение русского языка в сенате, в учебных заведениях, в администрации; упразднение особой финляндской таможни и монеты; объединение армий; облегчение русским поступления на службу в Финляндии; пересмотр учебников всех финляндских учебных заведений; основание русской правительственной газеты и др. Программа генерал-губернатора в финляндском вопросе была достаточно радикальной, В.К. Плеве даже пытался в процессе ее обсуждения смягчить некоторые позиции, но автор настоял на своем.

Газета, по замыслу Бобрикова, призвана была проводить и разъяснять государственную политику империи. В качестве редактора был приглашен И.А. Баженов (1846–1915) — широко образованный журналист национал-монархического толка, разделявший «бобриковский» курс на русификацию и срастание «окраины» с империей.

В первом номере газеты за 1 января 1900 г. Баженов опубликовал программную статью «Задачи “Финляндской газеты”», где напомнил местным жителям, что Финляндия, войдя в состав империи, получила автономные права, но это не отменило ее обязанность быть верной российскому монарху. Редактор детально разъяснял читателям: Россия выстраивает свою политику таким образом, чтобы «обеспечить права и свободу инородцев, не умаляя их благополучия, не затрудняя их своеобразных культур» и предоставляя всем «одинаковое положение и защиту»; а взамен империя ожидает «равной от всех службы <...> и несения общих государственных повинностей» [15, с. 1]. В этом отношении в Финляндии не все благополучно. Русские чиновники, общественные деятели, бывавшие в

«Голос родины» (Гаага, Нидерланды, 1918–1919 гг.), «Голос России» (Берлин, Германия, 1919–1922 гг.), «Голос Руси» (Нью-Йорк, США, 1922 г.), «Русский голос» (Львов, 1922–1930 гг.; в межвоенный период Львов входил в состав Польши), «Русский голос» (Нью-Йорк, США, 1921–1929 гг.), «Русский голос» (Харбин, Китай, 1922 г.), «Русское слово» (Харбин, Китай, 1926, 1932, 1933 гг.), «Русское эхо» (Константинополь, Турция, 1920 г.), «Русское эхо» (Шанхай, Китай, 1921, 1922 гг.).

Финляндии, постоянно фиксировали абсолютную «отчужденность» финнов от империи, от всего русского. Так известный педагог, инспектор народных училищ П.Н. Троцкий-Сенютович, путешествуя по Великому княжеству, обратил внимание на «отсутствие русских газет, отсутствие элементарного знания русского языка не только в обществе, но и в административных учреждениях», «полнейшее отсутствие русских начальных школ <...>, русского храма» и проч. [7, с. 399]. Один из крупнейших правых публицистов А.П. Липранди возмущался «вопиющей несправедливостью», господствующей в крае, где русские люди, живущие в Финляндии, были «лишены не только всякого представительства <...>, но и вообще всех политических и гражданских прав», в то время как финны «пользуются во всей остальной России не только всеми правами, какими пользуются сами русские, но и многими преимуществами» [19, с. 35].

Появившаяся в крае русская «Финляндская газета» не вызвала энтузиазма со стороны финских коллег. По словам М.М. Бородинки, «Местные газеты стали замалчивать и игнорировать русского собрата; агитаторы стали преследовать финнов, служивших в типографии, и лиц, печатавших в русской газете свои объявления; почта в начале не пожелала доставлять русского органа по назначению» [16, с. 117]. Хотя в целом польза русскоязычной газеты была очевидна: она «верно служила своему знамени», комментируя, разъясняя, мотивируя действия российского правительства и его официального представителя в Великом княжестве. Газета дожила до 5 (18) марта 1917 г. В последнем двухстраничном номере были перепечатаны манифесты об отречении от престола — императора Николая II и великого князя Михаила Александровича [22, с. 1]. На этом газета прекратила свое существование. Имперский голос в Финляндии умолк навсегда. В 1918 г. при поддержке немецкой военной группировки финские «белые» взяли Гельсингфорс. Победа белой Финляндии в гражданской войне фактически ознаменовала завершение так называемого русского этапа в истории страны, продолжавшегося более столетия.

2

Несмотря на сложности во взаимоотношениях местного населения и администрации Великого княжества, в имперский период каких-либо этнических конфликтов между русскими и финнами зафиксировано не было [2, с. 250]. Ситуация резко изменилась в период революции и гражданской войны, когда развернулись кровавые классовые бои (1918) между «своими красными» (punaiset) и «своими белыми» (valkoiset), закончившиеся при поддержке во-

енного командования Германии, организовавшего «интервенцию в Финляндию» [20, с. 110], «окончательной победой» белых во главе с генералом К.Г. Маннергеймом [17, с. 69]. В стране ширилась не виданная ранее ненависть ко всему русскому, спровоцировавшая «белый террор, перед которым, — как писал участник военных действий, — бледнеют страницы истории Парижской Коммуны» [23, с. 106]. Бывший офицер генерального штаба подполковник С.Э. Виттенберг описывал положение русских в Финляндии в мае 1918 г. следующим образом: «Никогда русский человек не подвергался таким оскорблениям, никогда не был так унижен, как теперь <...>. Русских ловят на улице и насильственным образом сажают на паром, как собак. Русского оскорбляют на каждом шагу и оскорбляет всякий, и эта драма, это бесчеловечное, возмутительное явление происходит в культурной, претендующей на самостоятельность стране, в Финляндии» [цит. по: 5, с. 107]. Финская пресса, выражавшая и определявшая общественное мнение, по словам Пекки Невалайнена, «создала образы “хороших” и “плохих” беженцев. Хорошими, как правило, были ингерманландцы и восточные карелы, плохими — русские. <...> “ненависть к русским” <презрительное название русских в Финляндии — Л.Л.> пестовалась на самых разных уровнях, подозрения и озлобленность пользовались известным “официальным” одобрением. Хотя “ненависть к русским” отражалась на жизни эмигрантов <...>, они все же находили и место, и окружение, в котором жили, работали и занимались любимым делом» [6].

Русская интеллигенция стремилась обосноваться в Гельсингфорсе или в его окрестностях, потому что здесь были более широкие возможности для консолидации, в первую очередь на языковой основе. Именно русский язык связывал эмигрантов с их прошлым, помогал преодолевать разобщенность в настоящем, являясь тем «базовым элементом», который воплощал в себе «традицию современной русской культуры», а также представлял собой «существенный элемент самосознания “граждан” Зарубежной России» [8, с. 141]. Страной временного пребывания Великое княжество стало для таких выдающихся представителей культуры, как Максим Горький, Александр Амфитеатров, Александр Куприн, Петр Струве, Виктор Шкловский и других, деятельность которых (пусть и краткосрочная) оказывала влияние на политическую и культурную жизнь русскоязычного населения. Литературный труд зачастую становился единственным средством существования и выживания.

Русскоязычная пресса заметно политизировалась. В 1917–1919 гг. появились издания большевистские («Известия», «Волна», «При-

бой»), эсеровские («Народная нива», «Социалист-Революционер»), меньшевистские («Голос Социал-Демократа»), либеральные («Голос русской колонии», «Русский голос», «Русский листок», «Северная жизнь», «Русская жизнь» / «Новая русская жизнь», «Рассвет») и др.

Если в период с 1900 по 1917 гг. русский голос в Финляндии звучал монологически — преимущественно имперски-официально, то, начиная с 1917 г., возникает русское многоголосие, полифония, что было обусловлено содержанием разных «политических идей и мыслей» (с их консонансами и диссонансами) или формально провозглашаемой аполитичностью. Жизнь многих периодических изданий была очень короткой. Основные причины этого просты: ограниченность материальных средств, недостаток профессиональных сотрудников, а также неблагоприятная внутренняя обстановка в стране для развития русскоязычной прессы. Однако при этом русские писатели ощущали себя, как отмечает Алексей Чагин, «полноправными участниками исторического столкновения — отсюда и подчеркнутая публицистичность писательского слова...» [9].

Стоит обратить внимание на то, что в имперский период российские подданные на территории Финляндии не стремились к каким-либо группировкам, сообществам, объединениям; теперь такая потребность возникла. Создание некой собственной ассоциации было «необходимо русским людям для взаимной поддержки, отстаивания своих имущественных и юридических интересов, поддержания своей идентичности и культурных традиций» [5, с. 103–114]. Первое такое объединение — «Русская колония в Финляндии», было создано в начале 1918 г. профессором Александровского университета в Гельсингфорсе Константином Арабажиным (1866–1929). Общество действовало на протяжении всего межвоенного периода, имело библиотеку, клуб, детский сад, стремилось вовлечь в свою сферу представителей русской культуры и искусства [4, с. 422–423].

С 13 марта 1918 г. при обществе по инициативе и под редакцией Арабажина начинает выходить газета «Голос русской колонии». Первый номер газеты содержит своего рода программные материалы, дающие представление о намерениях издателя-редактора, поэтому стоит остановиться на них подробнее. На первой полосе под названием «Гельсингфорс, 13-го марта. 1918 года» представлено заявление от редакции: «Не без волнения и колебаний выпускает сегодня скромный редакционный кружок литературных работников первый номер газеты “Голос русской колонии”» [21, с. 1]. Кто скрывается за словосочетанием «редакционный кружок литературных работников», неизвестно, но, судя по подписям статей («Русская Колония в

Финляндии²» — К.А. (Константин Арабажин); «Дела печати в Гельсингфорсе» — Старожил; «Союз трудовой интеллигенции» — N; «Иzumственной жизни Гельсингфорса» — К. Каневский (К. Арабажин родился в Каневе); Дневничок — Обыватель), можно с большой долей вероятности предположить, что все эти материалы принадлежат Арабажину. Остальные тексты подписей вообще не имеют. Далее в программном заявлении редакции указано, что «условия, при которых появляется в Гельсингфорсе новый печатный орган русского населения, чрезвычайно тяжелы, — почти трагичны. Русский народ на краю бездны <...> на пепелище». Однако и в таких обстоятельствах редакция советует не «падать духом», не «предаваться отчаянию» и призывает соотечественников «сознать наши ошибки, трезво оглянуть наши вины, на нашу <грамматика оригинала. — Л.Л.> печальную действительность и работать, работать, работать...». Свой «скромный “Голос”» редакция возвышает «в защиту интересов русского населения Финляндии»; подчеркивая, что новая «газета — частное предприятие, орган независимой беспартийной мысли». Ее главный лозунг: «единение всех слоев русского населения на почве русской культуры и трудового, творческого начала». Редакция уверена, что сумеет «правильно отразить интересы русского населения в Финляндии и таким образом станет голосом русской колонии в самом широком значении этого слова». Правда, на первых порах, как признает «редакторский кружок», газета вынуждена ограничиться «очень скромными задачами, преимущественно осведомительного характера». Эта вынужденная «скромность» обусловлена недостатком материальных средств и отсутствием профессиональных кадров. Однако редакция изъявляет уверенность, что при «поддержке и снисхождении» читателей вскоре «придут лучшие дни, “Голос” развернется в более крупное предприятие». В заключение редакция приветствует своих «старших братьев» по издательскому делу и выражает надежды на скорое распространение свободы печати в Великом княжестве: «И в качестве юного сочлена считаем долгом послать наш привет старшим братьям по перу русской, финской и шведской печати — с пожеланием, чтобы поскорее настало время, когда гражданская свобода и порядок откроют печати без различия направления полную свободу и простор суждений и развития. Свобода печати — воздух и свет для народного организма» [21, с. 1].

² В газете названия такого рода пишутся то со строчной, то с прописной буквы. Само заглавие газеты «Голос Русской Колонии» тоже использует в титуле заглавные буквы, хотя в цитируемой программной статье заглавие газеты дано как «Голос русской колонии».

На второй странице опубликована статья «Русская Колония в Финляндии» (за подписью «К.А.», что расшифровывается однозначно как Константин Арабажин), в которой указаны цель, задачи, предполагаемые направления деятельности новой организации. Общество нацелено на объединение всех граждан русской национальности, проживающих в Финляндии, на базе «общих интересов — материальных, духовных, культурных и правовых». Сообщается, что Русская колония намерена предоставить своим членам широкий спектр возможностей, в частности: «осуществлять свои потребности в образовании, просвещении, русской книге, газете, театре, содействовать членами в приискании труда, в создании профессиональных организаций, кооперативов, потребительских, ссудо-сберегательных касс и обществ, обеспечение населения продуктами и карточками в этот предстоящий нам трудный год, помощь населению в правовых вопросах, в ознакомлении с местными законами, установление и укрепление русско-финляндского сближения путем взаимного ознакомления русских и финляндцев посредством изучения культуры, выяснения общих интересов обоих народов и устранения вытекающих из предрассудков и невежества недоразумений...» [11, с. 2].

Далее представлен обзор русскоязычной прессы «Дела печати в Гельсингфорсе» (за подписью «Старожил», за которой скрывается скорее всего тот же Константин Арабажин), где автор пытается определить, «чем питался Гельсингфорс в литературном смысле» с первых дней русской революции до момента появления «Русского голоса» (примерно за год: с марта 1917 г. по март 1918 г.). В поле зрения обозревателя оказалось множество периодических изданий, но представлены они преимущественно номинативно. Обзор начат с газеты «Известия», о которой сказано, что это «самая большая осведомительная газета в Гельсингфорсе», начавшая выходить в марте 1917 г. В апреле появилась газета «Волна», относительно которой замечено только то, что она являла собой «попросту перепечатку “Правды”» и что после июльских событий «прекратила свое существование». Вместо «Волны» возник «Прибой», достигавший в моменты своего расцвета до 12 тысяч экземпляров (таков был примерно состав местной партии большевиков в то время). Почти одновременно с «Волной» появилась и эсеровская «Народная Нива». Обе газеты («Волна» и «Нива», как сокращенно называют их в статье) оказались, по мнению обозревателя, необычайно слабыми «в литературном отношении». Однако «Нива» нашла своего читателя: к ней «потянулись крестьяне-солдаты, и в расцвете своей славы она

доходила до тиража “Волны”. Но слабая осведомленность, обилие перепечаток, неумение подойти к массам вплотную, неопрятный и неряшливый вид издания сгубили ее и в конце декабря прошлого года (1917 — Л.Л.) газета <...> скончалась». Несколько дольше продержался «Прибой», но и он вскоре «быстро пошел вниз, и в конце февраля 1918 г. газета прекратила свое существование». Примерно в начале июля 1917 г. появилась газета «Социалист-Революционер» — ежедневный орган Гельсингфорсской группы левых эсеров-интернационалистов. Однако несмотря на «левую позицию <...> и поддержку из Петрограда, газета ничего нового не сказала и за отсутствием читателей — закрылась». Тогда же меньшевики заявили о себе изданием еженедельника «Голос Социал-Демократа», но, несмотря на то что «они имели крупные имена, серьезный журнал не пошел, закрылся на 10 номере». В июле возникла беспартийная газета «Общее Дело», однако ее «политическая и общественная физиономия была настолько не ясна, что она не нашла себе поддержки ни в одном круге читателей». Затем дается столь же краткая справочная информация о журнальной прессе преимущественно 1917 г. В мае 1917 г. Матросский клуб начал издавать журнал «Моряки» (под редакцией А. Богомолова). «Строго беспартийная физиономия журнала, солидность внешнего вида, приличный подбор стихов и статей авторов-самоучек — помогли журналу выбраться наверх и его тираж поднялся <до> 12 тыс. экз., но внутренние осложнения в клубе, перемена состава Центрального комитета клуба и редактора, сильно отозвались на журнале и хотя он и выдержали уже 30 №№, дела его <...> пошатнулись». Одновременно с «Моряком» начал выходить журнал «Труженик Моря», но вскоре и он «как-то незаметно исчез, не оставив следа». Группа меньшевиков, потерпев неудачу в издании журнала, «приступила к изданию газеты “За Россию”. Выбор названия, разнородный состав сотрудников — встретили отрицательное отношение большинства читающей публики, и газета вышла всего в двух номерах. В последнем своем № газета заявила, что ввиду отказа типографии “Известий” печатать газету, и отсутствия другой типографии газета должна была прекратиться». В октябре вышел всего один № журнала «Трудовая Советская Республика» и тем издание ограничилось, по-видимому, не найдя себе читателей». 1-го ноября появился журнал артиллерийского клуба «Артиллерист», но и он, «просуществовав два месяца и выпустив всего 4 номера, закрылся, понеся громадные убытки, несмотря на красивую внешность и интересно подобранный материал». Таким образом прошел год. В настоящий момент, считает обозреватель,

«главной задачей является защита — достоинства русского народа в Финляндии и возможности иметь средства на удовлетворенье просветительных и культурных нужд населения» [11, с. 2]. Определение «главной задачи», как видно, напрямую соотносится с текстом предыдущей статьи — «Русская Колония в Финляндии». По завершении обзора его автор оптимистически заявляет: «С твердой верой, что народ еще не погиб, не погряз в тине мелочных расчетов, приступаем мы к изданию новой газеты» [11, с. 3].

Однако надежды редактора на то, что «придут лучшие дни, “Голос” развернется в более крупное предприятие» не оправдались; жизнь «Голоса русской колонии» оказалась столь же кратка, как и многих изданий, перечисленных в обзоре. После выхода 12 номера название газеты было трансформировано. Появился «Русский голос», но и в этой версии газета просуществовал недолго, всего около месяца (с 13 марта по 16 апреля 1918 г.). В общей сложности в свет вышло 29 номеров. Большая часть публикаций принадлежала самому Арабажину, чей голос неустанно призывал к «объединению всех проживающих в Финляндии граждан русской национальности» [13, с. 2].

Этот же пафос пронизывает и страницы «Русского листка» (выходил с 7 июня 1918 г. до 28 февраля 1919 г.) — следующей ежедневной русской газеты Арабажина, издаваемой в Гельсингфорсе. И здесь Арабажин-редактор стремится убедить своих читателей в необходимости, с одной стороны, единения всех слоев русского населения в Финляндии, а с другой — «разумного симбиоза русских с финляндским народом в рамках независимой Финляндии» [14, с. 1]. На страницах «Русского листка» Арабажин публикует множество собственных материалов: неизменные передовицы, своеобразные хроники о жизни русских в Гельсингфорсе в рубриках «Труды и скорби. Из дня в день», «Заметки дня», а также мемуарные очерки — о встречах с Львом Толстым, Антоном Чеховым, Максимом Горьким, другими деятелями культуры, эссе о творчестве Ивана Тургенева, Михаила Арцыбашева, Владимира Винниченко и др., а также заметки о посещении Ильи Репина в знаменитых «Пенатах», о встречах с Николаем Рерихом.

В начале 1919 г. предприимчивый Арабажин участвует в издании газеты «Русская жизнь», а в того же года становится главным редактором газеты «Рассвет» (1919–1920), позиционируемой как «демократический орган русского самосознания» [12, с. 1]. В разное время с изданиями Арабажина сотрудничали писатели Александр Куприн и Леонид Андреев, профессор-этнограф Евгений Ляцкий,

историк театра Николай Дризен, художник Николай Рерих, литературный критик Глеб Струве, поэт Иван Тхоржевский, писатель и драматург Федор Фальковский и другие.

В начале 1919 г. в результате решения правительства Финляндии о ликвидации всех кафедр русского языка и словесности Арабажин теряет работу в университете; его общественная активность привлекает все более пристальное внимание финских властей, которые считали его, как и всех русских, неблагонадежным. Арабажину запрещают проживать в столице, но он, нарушая запреты, продолжает свою редакторско-издательскую и публицистическую деятельность. Однако к 1920 г. утрачивает свою главенствующую функцию в газете «Рассвет», где все большее влияние приобрели Антон Карташев и Владимир Кузьмин-Караваев — ближайшие сотрудники обособившегося тогда в Гельсингфорсе генерала Николая Юденича. Оба входили в Политическое совещание (при Юдениче) — прообраз русского правительства в Северо-западном регионе России, образованное 24 мая 1919 г. в Гельсингфорсе.

Арабажин в сложившейся ситуации предпочел ретироваться. Он уехал в Таллинн, нового разрешения на въезд в Финляндию больше не получил.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования:

1. Бахтурина А.Ю. Переписка генерал-губернатора Великого княжества Финляндского Н.И. Бобрикова с Николаем II и В.К. Плеве по финляндскому вопросу в 1899–1900 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 10 (74). URL: <https://history.jes.su/s207987840002453-7-1/> (дата обращения: 06.10.2021). DOI: 10.18254/S0002453-7-1
2. Васара В.-Т. Некоторые взгляды на вопрос о происхождении ненависти ко всему русскому в Финляндии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: ООО «АИК», 2010. № 4. С. 244–256.
3. Луцевич Л.Ф. Русскоязычная периодика Финляндии в начале XX века: «Финляндская газета» // Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа / отв. ред. А.А. Холиков. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 141–156. DOI: 10.22455/978-5-9208-0661-1-141-156

4. Мусаев В.И. Общественная жизнь русской диаспоры в Финляндии в 1920-е годы // Скандинавские чтения 2016 г. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб.: Музей антропологии и этнографии, 2018. С. 414–426.
5. Мусаев В.И. Судьба русской диаспоры в независимой Финляндии (1918 г.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 2. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. С. 103–114.
6. Невалайнен П. Изгои. Российские беженцы в Финляндии (1917–1939) / сокр. авториз. пер. с фин. Майю Леппя. СПб.: Журнал «Нева», 2003. 396 с.
7. Омельяничук И.В. Украинский, финляндский и польский вопросы в идеологии русских консерваторов начала XX столетия // *Wschodni Rocznik Humanistyczny*. Lublin: ToNiK «Libra», 2014. № 10. С. 383–403.
8. Раев М.И. Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции, 1919–1939 / пер. с англ. А. Ратобыльской, предисл. О. Казниной. М.: Прогресс-Академия, 1994. 296 с.
9. Чагин А.И. Пути и лица. О русской литературе XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 600 с. URL: <https://culture.wikireading.ru/65004> (дата обращения: 30.09.2021).

Источники

10. Азадовский К.М., Багно В.Е., Грачева А.М. и др. Реквием // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 481–482.
11. Арабажин К.И. [Старожил]. Дела печати в Гельсингфорсе // Голос русской колонии. 1918. 13 марта. № 1. С. 2–3.
12. [Арабажин К.И.] Наши задачи // Рассвет. 1919. 14 сент. № 1. С. 1.
13. Арабажин К.И. [К.А.] Русская Колония в Финляндии // Голос русской колонии. 1918. 13 марта. № 1. С. 2.
14. Арабажин К.И. Финляндская печать и мы // Русский листок. 1918. 22 июля. № 39. С. 2.
15. Баженов И.А. «Задачи “Финляндской газеты”» // Финляндская газета, 1900. 1 (13) янв. № 1. С. 1–4.
16. Бородкин М.М. Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н.И. Бобрикова. СПб.: Тов-во Р. Голике и А. Вильборг, 1905. 502 с.
17. Валь Э.Г. Война белых и красных в Финляндии в 1918 г. Таллинн: Издание автора, 1936. 94 с.
18. Коростелев О.А. «За пределами России выходят сотни газет и журналов на русском языке». Интервью взял Сергей Дмитренко // Литература (Приложение к газете «1 сентября»). 2009. 1–15 августа. № 15 (678).

URL: https://lit.1sept.ru/view_article.php?ID=200901515 (дата обращения: 06.10.2021).

19. Липранди А.П. Россия и ее Финляндская окраина. Харьков: Мирный труд, 1910. 96 с.
20. Маннергейм К.Г. Мемуары / пер. с фин. П. Куйиала, Б. Злобин. М.: Вагриус, 1999. 508 с.
21. «Не без волнения и колебаний...» // Голос русской колонии. 1918. 13 марта. № 1. С. 1.
22. Официальный отдел: Манифест Государя Императора. Манифест Великого Князя Михаила Александровича // Финляндская газета. 1917. 5 (18) марта. № 51. С. 1.
23. Свечников М.С. Революция и гражданская война в Финляндии. 1917–1918 годы. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 112 с.

REFERENCES

1. Bahturina, A.Iu. "Perepiska general-gubernatora Velikogo kniazhestva Finliandskogo N.I. Bobrikova s Nikolaem II i V.K. Pleve po finliandskomu voprosu v 1899–1900 gg." ["Correspondence of the Governor-General of the Grand Duchy of Finland N.I. Bobrikov with Nicholas II and V.K. Pleve on the Finnish Question in 1899–1900"]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriia"*, vol. 9, issue 10 (74), 2018. Available at: <https://history.jes.su/s207987840002453-7-1/> (Accessed 30 September 2022). DOI: 10.18254/S0002453-7-1 (In Russian)
2. Vasara, V.-T. "Nekotorye vzgliady na vopros o proiskhozhdenii nenavisti ko vsemu russkomu v Finliandii" ["Some Views on the Origin of Hatred towards Everything Russian in Finland"]. *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, St. Petersburg, ООО "AIK" Publ., 2010, no. 4, pp. 244–256. (In Russian)
3. Lucevich, L.F. "Russkoiazychnaia periodika Finliandii v nachale XX veka: 'Finliandskaia gazeta'" ["Russian-language Periodicals in Finland at the Beginning of the Twentieth Century: 'Finland Newspaper'"] *Russkaia literatura i zhurnalistika v predrevoliutsionnoi epokhu: formy vzaimodeistviia i metodologiia analiza: kollektivnaia monografiia* [Russian Literature and Journalism in the Pre-revolutionary Era: Forms of Interaction and Methodology of Analysis], ed. by A.A. Holikov. Moscow: IWL RAN Publ., 2021, pp. 141–156. DOI: 10.22455/978-5-9208-0661-1-141-156 (In Russian)
4. Musaev, V.I. "Obshchestvennaia zhizn' russkoi diaspory v Finliandii v 1920-e gody" ["Social Life of the Russian Diaspora in Finland in the 1920s"]. *Skandinavskie chteniia 2016 g. Etnograficheskie i kul'turno-istoricheskie aspekty*,

- St. Petersburg, Muzei antropologii i etnografii, 2018, pp. 414–426. (In Russian)
5. Musaev, V.I. “Sud’ba russkoi diaspory v nezavisimoi Finliandii (1918 g.)” [“The Fate of the Russian Diaspora in Independent Finland (1918)”]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2*, issue 2, St. Petersburg, Izdatel’stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 2007, pp. 103–114. (In Russian)
 6. Nevalajnen, P. *Izgoi. Rossiiskie bezhentsy v Finliandii (1917–1939)* [*Outcasts. Russian Refugees in Finland (1917–1939)*], trans. M. Leppia, St. Petersburg, Zhurnal “Neva” Publ., 2003. 396 p. (In Russian)
 7. Omel’janchuk, I.V. “Ukrainskii, finliandskii i pol’skii voprosy v ideologii russkikh konservatorov nachala XX stoletii” [“Ukrainian, Finnish and Polish Issues in the Ideology of Russian Conservatives in the Early 20th Century”]. *Wschodni Rocznik Humanistyczny*, Lublin, ToNiK “Libra” Publ., no. 10, 2014, pp. 383–403. (In Russian)
 8. Raev, M.I. *Rossiiia za rubezhom: istoriia kul’tury russkoi emigratsii, 1919–1939* [*Russia Abroad: The History of the Culture of the Russian Emigration, 1919–1939*], trans. A. Ratobyl’skoi, preface O. Kazninoi. Moscow, Progress-Akademiia Publ., 1994. 296 p. (In Russian)
 9. Chagin, A.I. *Puti i litsa. O russkoi literature XX veka* [*Paths and Faces. About Russian Literature of the 20th Century*]. Moscow: IWL RAS Publ., 2008. 600 p. Available at: <https://culture.wikireading.ru/65004> (Accessed 30 September 2022). (In Russian)

Дата поступления статьи: 12 октября 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 19 мая 2022 г.

Дата публикации: 07 октября 2024 г.

Received: October 12, 2021

Approved: May 19, 2022

Date of publication: October 07, 2024